

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы одиннадцатой региональной
музейной конференции*

Челябинск
2020

УДК 069.7(470.55)
ББК 26.89(2Рос-4Чел)
Г70

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Челябинской области

Редакционная коллегия:

*В. И. Богдановский (председатель), А. Н. Лымарев, Н. П. Палецких,
Д. Г. Графов, И. Н. Козырева, В. Г. Демаков, Е. М. Шумская*

Г70 **Гороховские чтения** : материалы одиннадцатой регион. музейн. конф. / сост., науч.
ред. А. Н. Лымарев. — Челябинск, 2020. — 455 с.

ISBN 978-5-905081-20-0

Сборник посвящен 75-летию Победы и дает представление о современных проблемах источниковедения, методологии исследований, историографии и популяризации научных знаний об истории нашей страны периода Великой Отечественной войны. В теоретическом и конкретно-историческом плане проанализированы многие аспекты политического, социально-экономического и духовного развития Урала накануне и в годы войны, отражена роль региона в достижении Великой Победы. В рамках микро-истории предприняты попытки реконструкции тыловой повседневности по материалам эго-документов, показаны ратные и трудовые подвиги уральцев, прослеживаются отдельные человеческие судьбы. Отражены проблемы актуализации коллективной исторической памяти и освещения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в учебной и научно-популярной литературе.

Для широкого круга ученых, работников музеев, краеведов, преподавателей и учащихся, ветеранов войны и труда, а также для всех интересующихся историей Великой Отечественной войны.

УДК 069.7(470.55)
ББК 26.89(2Рос-4Чел)

ISBN 978-5-905081-20-0

© Алексеев Н. А., Ахунов Р. Н. и др.,
статьи, 2020
© Государственный исторический
музей Южного Урала, 2020

**«ВСЯКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, В ТОМ ЧИСЛЕ И СОВЕТСКОЕ,
ИМЕЕТ ЛИШЬ ПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ, И ВЕЧНА
ОДНА ЛИШЬ РОССИЯ»: ОРЕНБУРГСКИЕ КАЗАЧЬИ ОФИЦЕРЫ-
ЭМИГРАНТЫ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА**

В этом году Россия отметила 75-летие победы в Великой Отечественной войне. Многие аспекты событий той героической и трагической эпохи остаются болезненными и дискуссионными по сей день. К таким вопросам, несомненно, относится и неоднозначное поведение русской военной эмиграции в годы войны. Как известно, эмиграция тогда разделилась — множество военных эмигрантов, ветеранов Белого движения, мечтавших вернуться на родину, считали, что война дает возможность свергнуть ненавистный им большевистский режим. Однако были и те, кто рассуждал иначе. Этот раскол, по сути, реанимировавший Гражданскую войну, существовал и в среде оренбургских казаков-эмигрантов. Попробуем разобраться в его причинах и рассмотреть на примере поведения и идейной эволюции двух офицеров — Ивана Григорьевича Акулинина¹ и Федора Евдокимовича Махина².

У этих людей много общего. Они принадлежали к одному поколению, на долю которого выпали суровые испытания: мировые войны, революции, Гражданская война, вынужденное оставление родины, необходимость все начинать с нуля на чужбине. Общим было происхождение этих людей из станичной среды простых казаков Оренбургского войска. Оба родились в глубинке — Акулинин в ст. Урлядинской 2-го военного отдела в 1880 г., а Махин — в 1882 г. в Иркутске, но происходил из казаков ст. Буранной 1-го военного отдела. Отец Махина находился на каторге за оскорбление офицера и лжесвидетельство, что и предопределило сибирскую географию рождения сына.

Махин получил домашнее образование, а Акулинин окончил двухклассное городское училище в Верхнеуральске. Позднее оба с разницей в два года окончили Оренбургское казачье юнкерское училище и стали офицерами.

Акулинин участвовал в Русско-японской войне, затем оба офицера принимали участие в подавлении беспорядков в период первой русской революции. На Махина, знакомого с жизнью каторжников (в том числе революционеров) и, очевидно, сочувствовавшего им, этот опыт произвел гнетущее впечатление и предопределил его дальнейшую идейную эволюцию. Об Акулиnine таких данных нет. Скорее наоборот — он прослужил некоторое время в гвардии и был знаком с представителями императорской семьи, что укрепило его монархические взгляды.

Затем оба офицера смогли пройти жесткий конкурсный отбор и поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, где учились на одном курсе, и окончили академию в 1913 г. На фронт Первой мировой войны оба отправились подьесаулами, а закончили войну — Махин — подполковником, а Акулинин — полковником. Оба офицера проявили себя в качестве способных генштабистов. Кроме того, Акулинин за боевые подвиги был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия IV степени.

Махин в 1917 г. вступил в партию эсеров, что предопределило его последующее поведение в Гражданскую войну. Оба офицера участвовали в этом конфликте: Ма-

хин — в рядах Красной армии с весны 1918 г., Акулинин — с конца 1917 г. в антибольшевистских формированиях своего родного войска.

Однако на самом деле Махин в рядах РККА служил по заданию ЦК партии эсеров в качестве тайного агента. Он получил назначение на должность начальника оперативного отделения штаба военного руководителя Московского района К. К. Байова³, а затем стал начальником Уфимского полевого штаба и врид командующего 2-й армией (26 июня — 3 июля 1918). За неделю пребывания на посту командарма он изменил оперативный план штаба и захватил важные документы. При подходе чехословацких войск к Уфе выехал из города со своим адъютантом на встречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку и фактически сдал ему Уфу⁴. Через день челябинская и самаро-златоустовская группы чехословаков соединились, установив почти сплошной антибольшевистский фронт от Поволжья до Владивостока.

Затем Махин продолжил службу в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Комуч представлял собой эсеровскую организацию, и таким образом, Махин оказался у своих. Он занимал ответственные посты, успешно воевал и был произведен в полковники. Взаимоотношения Махина с белыми не сложились. Будучи эсером, он не смог служить под властью Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака. Махин участвовал в заговоре против Колчака и его сторонника оренбургского атамана А. И. Дутова в Оренбурге. Заговор был раскрыт, а Махин выслан за границу.

Акулинин же, наоборот, являлся тем человеком, который руководил ликвидацией этого заговора. Как казачий офицер с высшим военным образованием он изначально получил пост помощника атамана Дутова, а позднее занимал еще целый ряд высших должностей в Оренбургском казачьем войске и его формированиях. Был заместителем Дутова, начальником штаба Оренбургского военного округа, главноначальствующим округа, командиром 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Был произведен в генерал-майоры. После поражения оренбургских казаков с остатками корпуса ушел на соединение с уральскими казаками, а затем уехал на юг России к генералу А. И. Деникину.

По итогам Гражданской войны оба офицера оказались в разных лагерях: Акулинин среди ветеранов Белого движения и в эмигрантских военных организациях, а Махин — вновь среди эсеров, причем в оппозиции по отношению к правым кругам эмиграции. Такая эволюция предопределила дальнейший идейный выбор каждого. Махин оказался в эмиграции уже в 1919 г., а Акулинин — в 1920 г. Махин жил во Франции, Чехословакии и Югославии; Акулинин — в Югославии, Германии и Франции.

В эмиграции Махин продолжал сотрудничать с эсерами, но позднее перешел на коммунистические позиции. Был завербован советской разведкой. В 1939 г. вступил в Компартию Югославии. В годы Второй мировой войны был одним из организаторов партизанского движения в Югославии, соратником И. Б. Тито, стал генералом Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Умер в июне 1945 г. в Белграде.

Акулинин же стал видным казачьим общественным деятелем. Через некоторое время после ликвидации советской агентурой в Китае атамана Дутова Акулинин был избран войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков. Активно изучал историю казачества, написал интересные мемуары. Умер в ноябре 1944 г. в Париже.

* * *

Как эволюционировали взгляды этих офицеров в эмиграции? Оборонческая позиция Махина сформировалась, видимо, на рубеже 1920–1930-х гг. Если в начале 1920-х гг. Махин активно участвовал в подрывной антисоветской работе из-за рубежа, то позднее поменял свои взгляды. В 1935 г. в интервью он заявил:

Между эмигрантами действительно есть люди, думающие, что ценой отдачи русской территории будет свергнута советская власть, и спасена русская культура, которую эта власть грозит уничтожить... На это мы отвечаем, что всякое правительство, в том числе и советское, имеет лишь преходящее значение, и вечна одна лишь Россия.

Территория, населенная русским народом и другими народами, связавшими с последним свою судьбу, принадлежала нашим предкам и на нас лежит долг передать ее нашим детям, как величайшую драгоценность, дороже которой ничего нет и не может быть для русского народа.

Русская культура не нуждается ни в чьей защите... ибо она существует и будет существовать, пока существует русский народ, и последний обладает достаточной внутренней силой для того, чтобы своими собственными усилиями выйти на широкие пути своего исторического развития.

Поэтому мы не можем не быть на стороне тех русских людей, которые встанут на защиту границ нашей родины и сделаем все, что будет в наших силах, чтобы обеспечить победу их оружия⁵.

Уже тогда эмигранты-оборонцы обратили внимание на то, что позиция пораженцев, стремившихся воспользоваться любым военным конфликтом для возобновления Гражданской войны, напоминала взгляды большевиков эпохи Первой мировой войны. Такие воззрения были присущи многим ветеранам Белого движения.

В феврале 1936 г. в Париже было создано Русское эмигрантское оборонческое движение. Основной идеей оборонцев была мысль о том, что защита Родины выше политических разногласий с властью. Лидеры оборонцев были социалистами и либералами⁶. Одним из организаторов движения был близкий друг и соратник Махина В. И. Лебедев. Еще в 1927 г. он пришел к выводу о недопустимости для эмигрантов стремиться к войне против СССР, что заметно противоречило взглядам активной части белой эмиграции: «Желать победоносной войны против СССР — это значит идти войной не на большевиков, а на население родной страны, это — звать воздушный флот иностранцев на бомбардировку русских (и украинских...) городов, это — отравлять газами русское население, это — стремиться уничтожить своими руками родную землю»⁷. Очевидно, подобные взгляды тогда же или позднее сформировались и у Махина.

Проблемой белой эмиграции было то, что ее лидеры в большинстве своем так и не уяснили для себя эту простую мысль и не смогли подняться над ненавистью к красным. Результатом стали массовое сотрудничество белых эмигрантов с нацистами в период Второй мировой войны и, как следствие, идейно-политическое поражение и частичная дискредитация белой эмиграции, которая и в современной России оценивается сквозь призму ее отношения к событиям Второй мировой войны.

В том же 1936 г. Махин был в числе подписавших заявление «Россия под угрозой войны и эмиграция», в котором содержался призыв поддержать СССР в случае возможной войны. Махин вошел в редколлегия готовившегося В. И. Лебедевым оборонческого сборника «Проблемы», три выпуска которого были напечатаны в 1934–1936 гг. в Париже. Эти сборники, по сути, стали апологией советского режима и разоблачали планы Гитлера в отношении СССР, в том числе перспективу раздела страны.

Поведение Махина в годы Второй мировой войны было предопределено его предшествующим опытом — вступлением в Коммунистическую партию Югославии и известностью в качестве деятеля левого направления. С началом гитлеровской оккупации у таких людей не было иного выбора, кроме как переходить на нелегальное положение. Махин ушел из Белграда в Черногорию и в горных районах примкнул к местному антифашистскому сопротивлению, а затем попал к четникам Дражи Михайловича. После того как четники стали нападать на партизан-коммунистов, Махин отошел от активной борьбы и некоторое время жил в глухих районах на границе Черногории и Восточной Герцеговины.

Гражданская война для русских эмигрантов, по сути, возобновилась. В коллаборационистском Русском корпусе служили многие русские офицеры, в том числе те, с кем Махин был знаком по службе в русской армии и по учебе в академии. Например, в рядах Русского корпуса оказался однокашник Махина по академии полковник Э. Э. Шляхтин. Махин мог быть знаком и с окончившими академию двумя годами ранее его генералом Б. А. Штейфоном и полковником Б. В. Гонтаревым. Представители коллаборационистских кругов белой эмиграции преследовали лиц, связанных с Махиным.

Затем Махин вновь оказался у четников, а в июне 1942 г. был освобожден из их плена партизанами И. Б. Тито и примкнул к последним, став через некоторое время

военным советником Тито. Война объединила бывшего участника Белого движения на востоке России Махина и бывшего югославского интернационалиста Тито, боровшегося в Сибири с белыми⁸.

В 1942 г. Махину исполнилось 60 лет. По возрасту он уже не мог выполнять функции полевого командира, специалистом по современной войне или по диверсиям он также не являлся. Неслучайно журналист при штабе Тито В. Дедиер звал его «старый Махин» (Дедиер был на 32 года моложе). Однако Федору Евдокимовичу нашлось применение. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой он владел рядом иностранных языков (русским, немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским с русским акцентом). Владение языками наряду с академическим образованием, пониманием военно-политической ситуации, военной географии СССР и общей эрудицией оказалось востребованным в штабе Тито в условиях дефицита информации о ходе войны. В обязанности Махина входило прослушивание и комментирование сведений различных радиостанций, прежде всего советских и британских. Поскольку для прослушивания радио требовалась тишина, Махину выделили отдельную комнату, которую он делил с шифровальщиком, что воспринималось другими работниками штаба с некоторой завистью как привилегия⁹. Для нужд штаба Махин чертил карты и делал доклады¹⁰. Кроме того, он участвовал в составлении и редактировании «Наставления по организационной структуре и основным задачам разведывательной службы на освобожденной и неосвобожденной территории», выпущенного не позднее 27 ноября 1942 г. за подписью Тито¹¹. Также Махин выступал с лекциями в войсках и публиковал обзоры военно-политической ситуации в «Военно-политическом обозрении Верховного штаба». Официально Федор Евдокимович состоял военным советником при Верховном штабе Народно-освободительной армии Югославии, работал переводчиком и был сотрудником отдела пропаганды.

Партизанская война была сопряжена со смертельной опасностью не только для рядовых бойцов, но даже для работников штаба. В разгар боев в июне 1943 г. Махин попал в плен к четникам. Ему повезло — через два дня он сумел бежать. Это было уже его вторым освобождением от четников, причем скрылся Махин в тех же местах, где жил в 1941–1942 гг. Затем Махин не ранее августа возвратился к титовцам. Стал одним из руководителей отдела радио и пропаганды штаба Народно-освободительной армии Югославии (по некоторым данным, заведовал им), сотрудничал с газетами и журналами («Борьба», «Военно-политическое обозрение Верховного штаба», «Новая Югославия»), составлял недельные обзоры положения на советско-германском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия»¹². В дальнейшем стал первым начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. В этом качестве Махин должен был собирать материалы о боевых операциях, анализировать успехи и неудачи партизан. Писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью.

Указом от 1 ноября 1943 г. Тито произвел Махина в генерал-лейтенанты югославской армии, минуя чин генерал-майора, что стало актом признания его заслуг¹³. В ноябре 1944 г. Махин как представитель Верховного штаба НОАЮ ездил в СССР в составе правительственной делегации Югославии.

Если для Тито Махин был неприкасаемым как советский агент, то для Сталина он таковым оказался в качестве югославского генерала. И хотя прежние сослуживцы Махина по антибольшевистскому лагерю подвергались в те годы в СССР преследованиям даже за меньшие прегрешения, самого его не тронули ни за громкую измену 1918 г., ни за эсеровский диверсионный активизм начала 1920-х гг. Не было дано хода и заочному приговору в отношении Махина, вынесенному в 1922 г. на процессе партии эсеров и отложенному до возвращения Федора Евдокимовича на родину.

В марте 1945 г. Махина назначили начальником исторического отделения Генерального штаба НОАЮ и начальником военных архивов Югославии. Однако уже через несколько месяцев Федор Евдокимович ушел из жизни. Его похороны прошли с воинскими почестями. Именем генерала Махина в 1946 г. была названа одна из улиц Белграда, но в конце XX в. в связи с декоммунизацией улицу переименовали.

* * *

Акулинин в 1920–1930-е гг. вращался в казачьих эмигрантских организациях с их неизбежными дразгами и конфронтациями. Судя по всему, он пытался в интересах доверившихся ему казаков поддерживать добрые отношения с различными казачьими лидерами, но выступал против сепаратистов и самостийников. Через Акулинина осуществлялся обмен корреспонденцией, в том числе и оперативного характера, связанной с деятельностью Русского общевойскового союза, между группами русской белой эмиграции на Дальнем Востоке и в Европе. Акулинин ориентировался на таких лидеров казачьей эмиграции, как генералы П. Н. Краснов и граф М. Н. Граббе.

В годы Второй мировой войны и во время оккупации Франции немцами Акулинин оставался в Париже. В вооруженной борьбе на стороне немцев он участия не принимал, но во время войны продолжал публиковать статьи в эмигрантской периодической печати и принимать активное участие в русской общественной жизни. Основная общественная деятельность Акулинина в 1940-е гг. была связана с его членством в Казачьем совете под председательством донского атамана графа М. Н. Граббе. Акулинин был одним из разработчиков текста обращения Казачьего совета к казакам, находящимся в эмиграции, в связи с началом войны между СССР и Германией.

В своем проекте, который вполне отражает политические взгляды Акулинина того времени, казачий генерал писал:

В ответственный исторический момент, когда решается судьба нашего Отечества, Казачий совет во Франции считает долгом обратиться к казакам с горячим призывом: принять самое деятельное участие в борьбе с коммунистической властью. Двадцать лет мы, как нищие рыцари, скитаемся по чужим краям, не находя нигде тихого пристанища. Двадцать лет наши подъяремные братья томятся в советском плену, в ожидании нашей помощи. За эти долгие годы наши, когда-то цветущие, казачьи края залиты кровью и превращены в мерзость запустения. В них водворились пришлые люди, которые с дьявольской настойчивостью уничтожают казачество, стараясь с корнем вырвать все, что имеет отношение к нашему славному прошлому, к нашим святыням, к нашему быту. Но казаки держатся стойко, защищая казачьи позиции всеми доступными средствами. Ныне наступает час освобождения. 22 июня с. г. верховный вождь великого германского народа, Адольф Гитлер, отдал приказ своим войскам — нанести сокрушительный удар правительству Сталина, которое только что готовилось залить кровью всю Европу. И нет в мире силы, которая могла бы отвести карающий меч, занесенный над международной шайкой, засевшей в священном Кремле. Большевики неминуемо сгинут, и русский народ, со всеми другими народами России, вновь займет подобающее ему место в семье молодых держав, строящих мир на новых началах¹⁴. Чтобы оправдать свое пребывание на чужбине и с честью вернуться в казачьи края все зарубежные казаки должны приобщиться к делу борьбы с большевиками — каждый на своем (или указанном ему) месте и по своим силам и способностям. Этого требуют интересы всего Нового мира; этого ждут наши поработанные братья по ту сторону красной черты. Слава и честь вождю германского народа, открывшему путь к победе (и в родные края). Бог в помощь, казаки...¹⁵

О последствиях нацистской оккупационной политики для России генерал, очевидно, не думал.

Подобный призыв, будь он широко опубликован, мог иметь определенный вес в казачьей эмиграции, ведь подписать его должны были представители целого ряда казачьих войск: генерал-лейтенант граф М. Н. Граббе, Генерального штаба генерал-лейтенант А. В. Черячукин, генерал-майор С. Д. Позднышев, генерал-майор Н. И. Малышенко, Генерального штаба полковник М. А. Медведев, Генерального штаба генерал-майор И. Г. Акулинин, полковник Г. М. Астахов и некоторые другие казачьи деятели. Но в Казачьем совете возникли разногласия по вопросу о содержании обращения¹⁶, и неизвестно, был или не был в итоге подписан этот документ.

Идея продолжения активной борьбы с большевиками выдвигалась Акулининым задолго до войны. В одной из заметок на страницах журнала «Родимый край» в 1929 г. он отметил: «Только тогда казаки вздохнут полной грудью и заживут привольной жизнью, когда чужеродная коммунистическая власть будет сброшена. С этим надо

торопиться...»¹⁷ В начале 1939 г. Акулинин также утверждал, что «борьба с коммунистической властью должна быть главной и основной темой для всех казаков»¹⁸. Зимой 1940 г. о стремлении продолжать борьбу с большевиками он писал своему другу по переписке генералу С. В. Денисову в США¹⁹.

На основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что в своей политической программе генерал Акулинин ориентировался на Германию и на ее победу над СССР. При этом по своим убеждениям он оставался непримиримым противником большевизма, государственным, сторонником идеи великой, единой и неделимой России, а в своих публикациях периода Второй мировой войны осуждал казачий сепаратизм²⁰. Освободить Россию от большевиков он считал возможным лишь при помощи вооруженной борьбы. По мнению Акулинина, «большевики сами по себе не падут и добровольно не уйдут. Коммунистическая власть будет свергнута в результате новой жестокой борьбы. Об этом должны иметь отчетливое представление все русские патриоты, и в особенности молодые поколения, которым придется отвоевывать и строить новую Россию»²¹.

Будущее политическое устройство России виделось Акулинину по образцу фашистских государств и в союзе с ними. 20 июля 1941 г. он писал графу Граббе: «Если Бог поможет, мы должны явиться в родные края (прежде всего, очевидно, на Дон) все вкупе и действовать от лица всего зарубежного казачества впредь до установления нормальной власти на местах. Если до нашего прихода на Дону, на Кубани и в других казачьих краях (еще до нашего прихода) будет организована войсковая власть — немецким командованием или самими казаками, — наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчет о наших действиях»²². Очевидно, что в этом письме присутствует значительная идеализация немцев, которым самостоятельная казачья власть была совершенно ни к чему. Акулинин, конечно, понимал, что при сложившихся обстоятельствах хозяевами положения на освобожденных от большевиков территориях будут не русские, а немцы²³, но считал, что руководство нацистской Германии не помышляет о расчленении России²⁴.

Не имея возможности предугадать дальнейшее развитие событий на Восточном фронте, Акулинин в разработанной им памятной записке от 20 сентября 1941 г. предложил создать «Особую казачью группу» из представителей казачьей интеллигенции, находящихся за рубежом, для того чтобы наладить контакт с населением казачьих областей и «разъяснять местному населению, какие задачи преследует германское командование и какие идеи несет национал-социалистическая Германия, организовав крестовый поход против коммунистической власти»²⁵. В отношении работы Казачьего совета Акулинин предлагал ограничиться исключительно казачьими делами, не вдаваясь в общерусские, в которых, по его мнению, было гораздо больше разногласий.

4 апреля 1942 г. Акулинин, поздравляя графа Граббе с Пасхой, писал ему: «Дай Бог, чтобы наши родные казачьи края воскресли к новой жизни»²⁶, вероятно, имея в виду скорое освобождение казачьих территорий немцами. В связи с тяжелой болезнью Граббе в 1942 г. генерал Акулинин был вынужден временно председательствовать в Казачьем совете, заменяя донского атамана²⁷. 26 мая 1942 г. Акулинин отмечал в одном из писем, что «в настоящее время Казачий совет лишен возможности вести большую и продуктивную работу, но стоять на страже казачьих интересов мы должны при всех обстоятельствах»²⁸. По словам Акулинина, «разобраться в хаосе мировых событий, представить себе подлинную картину всего происходящего, не сбиться с правильного пути — не то, что рядовому эмигранту, но и людям, искушенным в политике, — чрезвычайно трудно. Казаки в этом отношении не составляют исключения...»²⁹ События показали, что и сам казачий генерал не сумел разобраться в происходящем. Впрочем, дальше заявлений в силу возраста и состояния здоровья он не шел.

* * *

Подводя итог, важно понять, почему идейно-политические взгляды двух казачьих офицеров, в судьбах которых было столько общего, в конечном счете оказались столь различны. Тем более что речь шла о ключевом мировоззренческом вопросе отношения к врагам России, пусть и в ее советской ипостаси. Думается, ответ в личном опыте

каждого из них. Именно этот опыт, наряду с кругом общения и принадлежностью к определенным политическим партиям и движениям, предопределил отношение каждого из офицеров ко Второй мировой войне. В кругу оборонца и социалиста, а затем и коммуниста Махина были распространены идеи защиты СССР и советской власти. Однако большую часть активной военной эмиграции к 1940-м гг. составляли озлобленные личной драмой, а порой и трагедией ветераны Белого движения, оказавшиеся в результате Гражданской войны у разбитого корыта на чужбине и в полной изоляции от родины. В их среде люди типа Махина считались изгоями.

Идейная позиция Акулинина в эмиграции предопределялась итогами Гражданской войны и стремлением к реваншу за поражение белых и жестокую политику расказачивания. Акулинин был среди множества ветеранов антибольшевистской борьбы, мечтавших о свержении большевизма вооруженным путем. Эти взгляды нашли свое проявление в деятельности эмигрантов в годы Второй мировой войны. Прогерманская ориентация была широко распространена в эмигрантских военных кругах, в особенности среди лидеров казачьего зарубежья, и не исключала традиционного для белых стремления к борьбе за сильную единую Россию. При этом все они считали себя патриотами России. Подобная близорукость, с одной стороны, привела к печальным последствиям для многих эмигрантов, а с другой, белая военная эмиграция во многом оказалась дискредитирована на весах русской истории.

Примечания

¹ См. подробнее об И. Г. Акулине: *Ганин А. В.* Три жизни генерала Акулинина : в 3 ч. Ч. 1 // Изв. лаборатории древ. технологий. 2015. № 3 (16). С. 28–54 ; То же. Ч. 2 // Там же. № 4 (17). С. 97–127 ; То же. Ч. 3 // Там же. 2016. № 1 (18). С. 95–127.

² См. подробнее о Ф. Е. Махине: *Ганин А. В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты : сб. ст. и материалов. М., 2014. С. 16–59.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 357.

⁴ *Чечек С.* От Пензы до Урала (доклад, сделанный в Обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

⁵ К статье Е. Новохатного «Дальневосточный вопрос» // Наше слово (Париж). 1935. № 4. С. 25.

⁶ *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 72.

⁷ *Лебедев В. И.* С точки зрения русского // Воля России. 1927. № 10. С. 112.

⁸ *Гуренко Ю. С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 3.

⁹ *Savić P.* Mirnodopski život u Bihaću omela je ofanziva // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Kn. 1. S. 254.

¹⁰ *Dedić V.* Dnevnik. Rijeka, 1981. T. 1. S. 275.

¹¹ *Милошевић М.* Полицијско-безбедносне структуре у окупираној Србији 1941–1944 // Гласник историјског архива Ваљево. 2002. № 36. С. 68 ; *Akrap G.* Mač i štit u rukama Partije — represivni sustav u funkciji oblikovanja korpusa javnog znanja // National Security and the Future. 2010. № 4 (11). S. 181. Текст этого документа см.: *Zbornik NOR.* Beograd, 1957. T. 2. Kn. 6. S. 460–467.

¹² *Матовић И.* Војсковођа с ореолом мученика. Повест о генералу Арсу Р. Иовановићу начелнику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001. С. 617, 632.

¹³ Сборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа. Београд, 1949. Т. 2. Кн. 1. С. 376.

¹⁴ Очевидно, имелись в виду державы фашистского блока (Германия, Италия, Япония).

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 273.

¹⁶ Там же. Л. 266 ; Д. 34. Л. 89, 96–96 об.

¹⁷ *Акулинин И. Г.* В Оренбургском войске // Родимый край (Париж). 1929. № 7. С. 25.

¹⁸ *Он же.* Вниманию казаков // Часовой. 1939. № 228–229. С. 15.

¹⁹ Архив Гуверовского института. S. V. Denisov collection. Box 3. Folder 11.

²⁰ *Акулинин И. Г.* Российские просторы и казаки // Часовой. 1941. № 256. С. 15.

²¹ *Он же.* Казачество в борьбе с большевиками // Атаман. вестн. 1937. № 9. С. 7.

²² ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 89 об.

²³ Там же. Л. 96 об.

²⁴ *Акулинин И. Г.* Российские просторы и казаки. С. 15.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 170.

²⁶ Там же. Д. 35. Л. 33.

²⁷ Там же. Л. 39.

²⁸ Там же.

²⁹ *Акулинин И. Г.* Очередная задача // Атаман. вестн. 1937. № 8. С. 10.